

РУССКІЙ БІОГРАФИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ.

Чаадаевъ—Швитеовъ.

Изданъ подъ наблюденіемъ предсѣдателя Императорскаго
Русскаго Историческаго Общества А. А. Половцова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1905.

лицѣ, а въ 1822-мъ году былъ назначенъ инспекторомъ этого училища. Кроме того, Г. И. былъ членомъ консисторіи, благочиннымъ городскихъ церквей, а съ 1856-го года кафедральнымъ проіереемъ. Много потрудился Г. И. и въ борьбѣ съ расколомъ. Эта дѣятельность, между прочимъ, дала ему матеріалъ для «Историческаго описанія обращенія Иргизскаго монастыря въ единовѣрческій».

Трудъ этотъ напечатанъ не былъ, также какъ и другой трудъ Г. И. «Церковно-историческое и статистическое описаніе Саратовской епархіи». Рукопись эта хранится въ архивѣ Саратовской духовной консисторіи.

Вообще, Г. И. былъ человѣкомъ очень образованнымъ, прекрасно зналъ греческій, латинскій и французскій языки, а также исторію. Онъ обладалъ громадной памятью и до старости лѣтъ сохранилъ живой умъ и любознательность.

Какъ человѣкъ, Г. И. отличался необыкновеннымъ трудолюбіемъ, честностью и сердечностью, которой сыскалъ себѣ всеобщую любовь. Рѣзко выдѣляясь среди современнаго духовенства, онъ настолько былъ скромнень, что многіе даже и не догадывались о его большихъ познаніяхъ.

Скончался Г. И. 22-го октября 1861-го года.

Источники: «Русская Старина», 1889 года, т. LXIV, стр. 499—502, 1890 годъ, т. LXVI, стр. 449—465, т. LXVII, стр. 631—568. «Русскій Архивъ» 1890 г., № 4; Хованскій. «Очерки по исторіи города Саратова» (указаніе на эту книгу см. также «Русская Старина», т. XL, 622).

В. Войновъ.

Чернышевскій, Николай Гавриловичъ, сынъ предыдущаго, публицистъ и критикъ, род. 12-го іюля 1828 г., въ Саратовѣ. Одаренный отъ природы отличными способностями, единственный сынъ своихъ родителей, Н. Г. былъ предметомъ усиленныхъ заботъ и попеченій всей семьи. Хотя и записанный въ духовное училище, онъ до 14-лѣтняго возраста воспитывался дома и подъ руководствомъ отца и своей старшей двоюродной сестры, Л. Н. Пышиной, къ которой онъ очень былъ привязанъ, получилъ прекрасную подготовку къ Семинаріи: онъ зналъ древніе и новые языки и чрезвычайно много читалъ литературныхъ и научныхъ книгъ. Немудрено поэтому, что, поступивъ въ

1842 г. въ низшее отдѣленіе (риторику) Саратовской Семинаріи, Ч. сразу выдѣлился изъ среды своихъ товарищей. Въ 1843 г. онъ аттестованъ былъ такимъ образомъ: «Способностей отличныхъ, прилежанія ревностнаго, успѣховъ отличныхъ, поведенія весьма скромнаго». Какъ передаетъ Ф. В. Духовниковъ, «учителя были въ восторгѣ отъ Ч., особенно учитель словесности, который входилъ съ рапортомъ въ семинарское правленіе, донося ему о сочиненіяхъ Ч., какъ о замѣчательныхъ и образцовыхъ. Семинарское правленіе, въ лицѣ своихъ членовъ, было недовольно тѣмъ, что приходилось доносить о сочиненіяхъ Н. Г. архіерею, который велѣлъ всѣ представленныя ему сочиненія, какъ выдающіяся, хранить въ библиотекѣ Семинаріи». Много лѣтъ берегались эти сочиненія, но потомъ куда-то исчезли. Такъ какъ по многимъ предметамъ Ч. былъ впереди своихъ товарищей, то онъ могъ заниматься тѣмъ, что не входило въ обязательную программу: подъ руководствомъ извѣстнаго археолога-оріенталиста Г. С. Саблукова онъ изучилъ татарскій языкъ; занимался также арабскими и еврейскими языками; все же свободное время онъ посвящалъ чтенію, особенно интересуясь исторіей и словесностью.

Одно время Ч. мечталъ по окончаніи Семинаріи поступить въ Духовную Академію, но скоро оставилъ это намѣреніе: въ ноябрѣ 1844 г. онъ подалъ прошеніе объ увольненіи изъ Семинаріи. Получивъ въ томъ же году увольненіе, онъ сталъ готовиться къ Университету и въ 1846 г., отлично выдержавъ почти всѣ вступительные экзамены, былъ принятъ въ С.-Петербургскій Университетъ, въ I отдѣленіе философскаго факультета, по разряду общей словесности. Въ теченіе университетскаго курса Ч. болѣе всего занимался древними языками, общей словесностью и славянскими нарѣчійми. Изученіе славяновѣдѣнія сблизило его съ И. И. Срезневскимъ, а черезъ него онъ познакомился съ Ир. И. Введенскимъ, на еженедѣльныхъ вечерахъ у котораго собирався кружокъ лицъ, имѣвшихъ сильное вліяніе на выработку міросозерданія Ч.: подъ ихъ воздѣйствіемъ, въ немъ пробуждаются новые интересы, онъ увлекается науками социальными, экономическими, а

затѣмъ и естествовѣдѣніемъ; въ это время уже выясняются первыя основы тѣхъ взглядовъ, которые проводятся Ч. въ его послѣдующей критико-публицистической дѣятельности, т.-е. материалистическій позитивизмъ въ философіи и социализмъ въ общественныхъ вопросахъ.

Въ 1851 г. Ч. окончилъ курсъ со степенью кандидата и былъ оставленъ при Университетѣ, но въ слѣдующемъ году онъ уѣхалъ въ Саратовъ, гдѣ получилъ мѣсто учителя гимназіи. Его сослуживцы были люди совсѣмъ иного склада воззрѣній, и потому онъ замыкается въ своей семьѣ и сближается лишь съ небольшимъ кружкомъ образованныхъ людей, между прочимъ съ Н. И. Костомаровымъ, который незадолго передъ тѣмъ былъ сосланъ въ Саратовъ. Научно-литературныя занятія Ч. за это время, вѣроятно, сосредоточиваются, главнымъ образомъ, въ той же области, что и прежде, и онъ не оставляетъ славяновѣдѣнія: такъ можно, по крайней мѣрѣ, заключать по его рецензіи на сочиненіе Гильфердинга «О родствѣ славянскаго языка съ санскритскимъ» («Отеч. Записки», 1853 г., № 7). Въ 1852 г. Ч. женился и вскорѣ послѣ женитьбы высочайшимъ приказомъ 24-го января 1854 г. былъ перемѣщенъ во 2-й кадетскій корпусъ «на должность учителя 3-го рода»; однако на этомъ новомъ мѣстѣ онъ пробылъ всего около года и послѣ столкновенія съ однимъ дежурнымъ офицеромъ вышелъ въ отставку. Какъ видно изъ нѣкоторыхъ воспоминаній, педагогическая работа въ это время уже не особенно интересовала Ч.: хотя онъ и увлекательно излагалъ свой предметъ, но совсѣмъ не заботился о томъ, чтобы ученики работали самостоятельно, не спрашивалъ ихъ, не задавалъ имъ сочиненій.

Еще будучи преподавателемъ, Ч. сотрудничалъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» и «Современникѣ»; по выходѣ же въ отставку, онъ почти цѣликомъ отдается журналистикѣ, готовя однако свою магистерскую диссертацию. Самая тема и основныя идеи этой диссертации намѣчаются уже раньше въ рецензіи на переводъ «Питики» Аристотеля, изданный Ордынскимъ. Рецензія эта, помѣщенная въ «Отеч. Зап.» 1854 г., № 9, уже ясно характеризуетъ отрицательное отношеніе

Ч. къ трансцендентальной эстетикѣ. Видно, что авторъ выступаетъ сторонникомъ эмпирическихъ методовъ изслѣдованія. «Всякая теоретическая наука, говоритъ онъ, основывается на возможно-полномъ и точномъ изслѣдованіи фактовъ. Но мы готовы предполагать, что у насъ многіе ошибаются еще относительно современныхъ понятій о томъ, что такое теорія и что такое философія. У насъ еще многіе думаютъ, что у современныхъ мыслителей господствуютъ трансцендентальныя идеи объ «априорическомъ знаніи», «развитіи науки самой изъ себя», ohne Voraussetzung и т. п.: смѣемъ ихъ увѣрить, что, по мнѣнію современныхъ мыслителей, эти понятія были очень хороши и, главное, необходимо нужны, какъ переходная ступень въ свое время, назадъ тому 40, 30 или, пожалуй, даже 20 лѣтъ, но не теперь: теперь они устарѣли, признаны односторонними и недостаточными. Смѣемъ увѣрить, что истинно-современные мыслители понимаютъ теорію точно такъ же, какъ понимаетъ ее Бэконъ, а вслѣдъ за нимъ астрономы, химики, физики, врачи и другіе адепты положительной науки. Правда, по этимъ новымъ понятіямъ не написано еще, сколько намъ извѣстно, формальнаго «курса эстетики»; но понятія, которыя будутъ лежать въ его основаніи, ужъ достаточно обозначились и развились въ отдѣльныхъ маленькихъ статьяхъ и эпизодахъ большихъ сочиненій».

Отвергнувъ трансцендентальную эстетику, Ч. по вопросу о значеніи искусства высказываетъ полное сочувствіе радикально-отрицательнымъ и утилитарнымъ взглядамъ Платона (въ поздній періодъ его философіи), Руссо и Кампе, изъ которыхъ послѣдній говорилъ, что «выпрямить фунтъ шерсти полезнѣе, нежели написать томъ стиховъ». Отвергая теорію «искусства для искусства», Ч. говоритъ: «Мысль эта имѣла смыслъ тогда, когда надобно было доказывать, что поэтъ не долженъ писать великолѣпныхъ одъ, не долженъ искажать дѣйствительности въ угоду разнымъ произвольнымъ и приторнымъ сентенціямъ. Къ сожалѣнію, для этого она появилась ужъ слишкомъ поздно, когда борьба была кончена; а теперь и подавно она ни къ чему не нужна: искусство успѣло ужъ отстоять свою самостоятель-

ность и должно думать о томъ, какъ ею пользоваться. «Искусство для искусства» — мысль такая же странная въ наше время, какъ «богатство для богатства», «наука для науки» и т. д. Всѣ человѣческія дѣла должны служить на пользу человѣку, если хотятъ быть непустыми и празднымъ занятіемъ: богатство существуетъ для того, чтобы имъ пользовался человѣкъ, наука для того, чтобы быть руководительницею человѣка; искусство также должно служить на какую-нибудь существенную пользу, а не на безплодное удовольствіе. Говоря о пользѣ, приносимой искусствомъ, Ч. не удовлетворяется тѣмъ мнѣніемъ, что искусство возвышаетъ душу человѣка, смягчаетъ его сердце: онъ находитъ, что такое же дѣйствіе оказываютъ на человѣка всякія удовольствія, начиная хотя бы съ сытнаго обѣда, всякія пріятныя занятія, отъ которыхъ зависитъ хорошее расположеніе духа, и благотворное вліяніе искусства состоитъ «почти исключительно въ томъ, что искусство—вещь пріятная». «Здоровый человѣкъ»,—аргументируетъ Ч.,—гораздо менѣе знойтъ, гораздо добрѣе, нежели больной, всегда болѣе или менѣе раздражительный и недовольный, хорошая квартира также болѣе располагаетъ человѣка къ добротѣ, нежели сырая, мрачная, холодная... И надобно сказать, что практическія, житейскія, серьезныя условія довольства своимъ положеніемъ дѣйствуютъ на человѣка сильнѣе и постояннѣе, нежели пріятныя впечатлѣнія, доставляемыя искусствомъ. Для большинства людей оно—только развлеченіе, то-есть довольно ничтожная вещь, не могущая принести серьезнаго довольства. И, взвѣсивъ хорошенько факты, мы убѣдимся, что многія самыя неблестящія, обыденныя развлеченія больше вносятъ довольства и благорасположенія въ человѣческое сердце, нежели искусство: если бы явился между нами Платонъ, вѣроятно, сказалъ бы онъ, что, напримѣръ, сидѣнье на завалѣхъ (у поселянъ) или вокругъ самовара (у горожанъ) больше развило въ нашемъ народѣ хорошаго расположенія духа и добраго расположенія къ людямъ, нежели всѣ произведенія живописи, начиная съ лубочныхъ картинъ до «Послѣдняго дня Помпеи».

Отвергнувъ нравственно-облагороживаю-

щее воздѣйствіе искусства, приравнявъ его съ этой стороны ко всякимъ другимъ пріятнымъ предметамъ, Ч. видитъ пользу искусства въ отношеніи интеллектуальномъ и признаетъ его своего рода суррогатомъ науки. «Наука,—говоритъ онъ,—сурова и не заманчива въ своемъ настоящемъ видѣ: она не привлечетъ толпы. Наука требуетъ отъ своихъ адептовъ очень много приготовительныхъ познаній и, что еще рѣже встрѣчается въ большинствѣ,—привычки къ серьезному мышленію. Поэтому, чтобы проникнуть въ массу, наука должна сложить съ себя форму науки. Ея крѣпкое зерно должно быть перемолото въ муку и разведено водою для того, чтобы стать пищею вкусною и удобоваримую. Это достигается популярнымъ изложеніемъ науки. Но и популярныя книги еще не исполняютъ всего, что нужно для распространенія понятія о наукѣ въ большинствѣ публики: онѣ предлагаютъ чтеніе легкое, но не заманчивое, а большинство читателей хочетъ, чтобы книга была сладкимъ десертомъ. Это обольстительное чтеніе представляютъ ему романы, повѣсти и т. д... Какъ изъ разговора съ образованнымъ человекомъ малообразованный всегда вынесетъ какія-нибудь новыя свѣдѣнія, хотя бы разговоръ, по видимому, и не касался ничего серьезнаго, такъ и изъ чтенія романовъ, повѣстей, по крайней мѣрѣ историческихъ, даже стихотвореній, которые пишутся людьми, во всякомъ случаѣ стоящими по образованности выше, нежели большинство ихъ читателей, масса публики, не читающая ничего, кромѣ этихъ романовъ и повѣстей, узнаетъ многое... Если популярныя книги перечеканиваютъ въ ходячую монету тяжелый слитокъ золота, выплавленный наукою, то поэзія пускаетъ въ ходъ мелкія серебряныя деньги, которыя обращаются и тамъ, куда рѣдко заходитъ золотая монета, и которыя все-таки имѣютъ свою неотъемлемую цѣнность. Поэзія, какъ распространительница знаній и образованности, имѣетъ чрезвычайно важное значеніе для жизни. «Забава» ею приносить пользу умственному развитію забавляющагося; потому, оставаясь забавою для массы читателей, поэзія получаетъ серьезное значеніе въ глазахъ мыслителей».

Въ приведенныхъ разсужденіяхъ Ч.

заключается верно тѣхъ положеній, которыя обстоятельно развиты имъ въ его диссертаци и затѣмъ явились главнымъ критическимъ жѣриломъ, съ которымъ онъ обращался къ оцѣнкѣ литературныхъ произведеній. Источникъ этихъ взглядовъ, которымъ суждено было играть такую видную роль въ послѣдующемъ развитіи русской литературной критики, можно видѣть частью въ публицистическомъ характерѣ европейской критики того времени, частью въ направленіи Бѣлинскаго въ послѣдній періодъ его дѣятельности, когда онъ говорилъ, что «пора перестать воспоминать о какомъ-то чистомъ и абстрактномъ искусствѣ, котораго нигдѣ и никогда не бывало». Это отрицаніе чистаго искусства можно замѣтить и у Вал. Н. Майкова и даже у критика, по основнымъ политическимъ и философскимъ воззрѣніямъ противоположнаго Чернышевскому, у А. А. Григорьева.

Диссертация Ч.: «Эстетическія отношенія къ дѣйствительности» вышла въ 1855 г. По характеру изложенія и по самой темѣ сочиненіе представляло собою явленіе, далеко не обычное въ то время, и авторъ уже въ предисловіи долженъ былъ оправдываться противъ упрека въ излишней широтѣ предмета изслѣдованія. Ему казалось, что необходимо пересмотрѣть основные вопросы науки, такъ какъ «выработаны матеріалы для новаго воззрѣнія на эти вопросы. Это новое воззрѣніе должно отличаться позитивнымъ направленіемъ. «Уваженіе къ дѣйствительной жизни, — говоритъ Ч., — недовѣрчивость къ апріорическимъ, хотя бы и пріятнымъ для фантазіи, гипотезамъ — вотъ характеръ направленія, господствующаго нынѣ въ наукѣ. Автору кажется, что необходимо привести къ этому знаменателю и наши эстетическія убѣжденія, если еще стоитъ говорить объ эстетикѣ». Послѣдняя фраза въ высшей степени характерна для всего трактата Ч.: онъ, дѣйствительно, можетъ считаться отрицаніемъ господствовавшей трансцендентальной эстетики, «разрушеніемъ эстетики», какъ въ послѣдствіи его называлъ Иисаревъ. Авторъ рѣшительно отвергаетъ теорію о превосходствѣ произведеній искусства надъ произведеніями природы, а также и абстрактное опредѣленіе прекраснаго, какъ «полнаго проявленія общей идеи въ индивидуаль-

номъ явленіи», и, установивъ положеніе (уже ранѣе встрѣчающееся у Бѣлинскаго), что «прекрасное есть жизнь», формулируетъ свой взглядъ на задачи искусства слѣдующимъ образомъ: «Существенное значеніе искусства — воспроизведеніе того, чѣмъ человѣкъ интересуется въ дѣйствительности. Но интересуясь явленіями жизни, человѣкъ не можетъ, сознательно или безсознательно, не произносить о нихъ своего приговора; поэтъ или художникъ, не будучи въ состояніи перестать быть человѣкомъ вообще, не можетъ, если бы и хотѣлъ, отказаться отъ произнесенія своего приговора надъ изображаемыми явленіями; приговоръ этотъ выражается въ его произведеніи — вотъ новое значеніе произведеній искусства, по которому искусство становится въ число нравственныхъ дѣятельностей человѣка. Бываютъ люди, у которыхъ сужденіе о явленіяхъ жизни состоитъ почти только въ томъ, что они обнаруживаютъ расположеніе къ извѣстнымъ сторонамъ дѣйствительности и избѣгаютъ другихъ, — это люди, у которыхъ умственная дѣятельность слаба; когда подобный человѣкъ — поэтъ или художникъ, его произведенія не имѣютъ другого значенія, кромѣ воспроизведенія любимыхъ имъ сторонъ жизни. Но если человѣкъ, въ которомъ умственная дѣятельность сильно возбуждена вопросами, порождаемыми наблюденіемъ жизни, одаренъ художническимъ талантомъ, то въ его произведеніяхъ, сознательно или безсознательно, выразится стремленіе произнести живой приговоръ о явленіяхъ, интересующихъ его (и его современниковъ, потому что мыслящій человѣкъ не можетъ мыслить надъ ничтожными вопросами, никому, кромѣ его неинтересными), будутъ предложены или разрѣшены вопросы, возникающіе изъ жизни для мыслящаго человѣка; его, произведенія будутъ, чтобы такъ выразиться, сочиненіями на темы, предлагаемыя жизнью. Это направленіе можетъ находить себѣ выраженіе во всѣхъ искусствахъ (напр., въ живописи можно указать на каррикатуры Гогарта); но преимущественно развивается оно въ поэзіи, которая представляетъ полнѣйшую возможность выразить опредѣленную мысль. Тогда художникъ становится мыслителемъ, и произведеніе искусства,

оставаясь въ области искусства, приобретае́тъ значеніе научное. Само собою разумѣется, что въ этомъ отношеніи произведенія искусства не находятъ себѣ ничего соответствующаго въ дѣйствительности,—но только по формѣ: что касается до содержанія, до самыхъ вопросовъ, предлагающихся или разрѣшаемыхъ искусствомъ, они всѣ найдутся въ дѣйствительной жизни, только безъ преднамѣренности, безъ *aggrégée-repée*».

Такимъ образомъ, по взгляду Ч., выраженному въ этой диссертациі, искусство не простая популяризація науки, но относится къ дѣйствительности такъ же, какъ и наука, строящая для объясненія жизни рядъ формулъ: искусство при помощи своихъ специальныхъ средствъ также объясняетъ жизнь. «Все, что высказывается наукою и искусствомъ, найдется въ жизни, и найдется въ полнѣйшемъ, совершеннѣйшемъ видѣ, со всѣми живыми подробностями, въ которыхъ обыкновенно и лежатъ истинный смыслъ дѣла, которыя часто не понимаются искусствомъ и наукою, еще чаще не могутъ быть ими обняты; въ дѣйствительной жизни все вѣрно, нѣтъ недосмотровъ, нѣтъ односторонней узкости взгляда, которою страдаетъ всякое человѣческое произведение,—какъ поученіе, какъ наука, жизнь полнѣе, правдивѣе, даже художественнѣе всѣхъ твореній ученыхъ и поэтовъ. Но жизнь не думаетъ объяснять намъ своихъ явленій, не заботится о выводѣ аксіомъ; въ произведеніяхъ науки и искусства это сдѣлано; правда, выводы неполны, мысли односторонни въ сравненіи съ тѣмъ, что представляетъ жизнь; но ихъ извлекли для насъ гениальные люди; безъ ихъ помощи наши выводы были бы еще одностороннѣе, еще бѣднѣе. Наука и искусство (позія)—*Handbuch* для начинающаго изучать жизнь; ихъ значеніе приготовить къ чтенію источниковъ и потомъ отъ времени до времени служить для справокъ. Наука не думаетъ скрывать этого; не думаютъ скрывать этого и поэты въ бѣглыхъ замѣчаніяхъ о сущности своихъ произведеній; одна эстетика продолжаетъ утверждать, что искусство выше жизни и дѣйствительности». Сблизивъ въ такой степени области искусства и науки, Чернышевскій вполне естественно пришелъ къ установленію параллели между исторіей и

искусствомъ, потому что «искусство относится къ жизни совершенно такъ же, какъ исторія; различіе по содержанію только въ томъ, что исторія говоритъ о жизни человѣчества, искусство—о жизни человѣка, исторія—о жизни общественной, искусство—о жизни индивидуальной. Первая задача исторіи воспроизвести жизнь; вторая, исполняемая не всѣми историками,—объяснить ее; не заботясь о второй задачѣ, историкъ остается простымъ лѣтописцемъ, и его произведеніе только матеріалъ для настоящаго историка или чтеніе для удовлетворенія любопытства; думая о второй задачѣ, историкъ становится мыслителемъ, и его твореніе приобретаетъ черезъ это научное достоинство. Совершенно то же самое надо сказать объ искусствѣ».

Сдавъ магистерскій экзаменъ и защитивъ свою диссертацию, Чернышевскій однако не былъ удостоенъ искомой ученой степени, такъ какъ министръ народнаго просвѣщенія А. С. Норовъ отказался утвердить представленіе о немъ университетскаго совѣта. Оставивъ вслѣдствіе этого мечту о профессурѣ, Чернышевскій всецѣло отдается журналистикѣ, сотрудничая исключительно въ «Современникѣ». До середины 1857 г. онъ ведетъ въ этомъ журналѣ отдѣлъ критики и библіографіи, сравнительно мало касаясь вопросовъ политическихъ и экономическихъ. Этимъ вопросамъ посвящены лишь нѣкоторые разборы книгъ по статистикѣ («Стат. опис. Киевской губерніи» Фундуклея, «Совр.» 1856 г., №№ 7 и 8) и по финансамъ («О золотѣ и серебрѣ» Тарасенко-Отрѣшкова, «Совр.» 1856 г., № 7, «Рѣчь Бакста о народномъ капиталѣ», *ibid.*, № 8 и др., а также «Хроника современныхъ военныхъ событій» («Совр.» 1856 г., №№ 1, 2, 5) и «Заграничныя извѣстія» (*ibid.*, №№ 7 и 8). Указанныя статьи, можетъ быть, по цензурнымъ условіямъ отличаются гораздо болѣе умѣреннымъ, спокойнымъ тономъ, чѣмъ болѣе позднія публицистическія произведенія Чернышевскаго или его критическія статьи по литературѣ этого времени. Въ послѣднихъ статьяхъ проглядываетъ уже стремленіе оцѣнивать произведенія словесности съ общественной точки зрѣнія и проявляется рѣзкость и рѣшительность сужденій, несмотря на то, что оцѣниваемые произве-

денія принадлежали иногда перу весьма выдающихся писателей. Эту рѣзкость тона Чернышевскій считалъ выраженіемъ «искренности въ критикѣ» и заявлялъ, что «во многихъ случаяхъ это единственный тонъ, приличный критикѣ, понимающей важность предмета и не холодно смотрящей на литературные вопросы». Согласно съ своей общей эстетической теоріей онъ требовалъ отъ литературы, если не содержанія, то «мысли, т.-е. самаго стремленія къ содержанію, вѣянія въ книгѣ того субъективнаго начала, изъ котораго возникаетъ содержаніе».

Изъ литературно-критическихъ статей Чернышевскаго нынѣ не утратили своего значенія и въ наше время, обнаруживая въ авторѣ иногда замѣчательную тонкость художественнаго пониманія. Такова, напр., статья о первыхъ произведеніяхъ графа Л. Н. Толстого («Совр.» 1856 г., № 12). Говоря о раздававшихся со всѣхъ сторонъ похвалахъ чрезвычайной наблюдательности и тонкому психологическому анализу гр. Толстого, критикъ замѣчалъ, что эти похвалы отличаются неопредѣленностью, представляя собою общія мѣста, приложимыя ко всякому крупному писателю; а потому онъ считалъ необходимымъ выяснитъ, какія «особенныя черты» принадлежать гр. Толстому. Такою особенною чертою критикъ признаетъ прежде всего характеръ психологическаго анализа гр. Толстого. «Вниманіе графа Толстого,—говоритъ онъ,—болѣе всего обращено на то, какъ одни чувства и мысли развиваются изъ другихъ; ему интересно наблюдать, какъ чувство, непосредственно возникающее изъ даннаго положенія или впечатлѣнія, подчиняясь вліянію воспоминаній и силѣ сочетаній, представляемыхъ воображеніемъ, переходитъ въ другія чувства, снова возвращается къ прежней исходной точкѣ и опять и опять странствуетъ, измѣняясь, по всей цѣпи воспоминаній; какъ мысль, рожденная первымъ ощущеніемъ, ведетъ къ другимъ мыслямъ, увлекается дальше и дальше, сливается грезы съ дѣйствительными ощущеніями, мечты о будущемъ съ рефлексіею о настоящемъ. Графа Толстого всего болѣе занимаетъ самъ психическій процессъ, его формы, его законы, діалектика души, чтобы выразиться опредѣлительнымъ терминомъ». Другой особенностью,

великимъ достоинствомъ произведеній гр. Толстого Чернышевскій признаетъ «чистоту нравственнаго чувства», которое никогда не колебалось, сохранилось во всей юношеской непосредственности и свѣжести». Въ этомъ отзывѣ о первыхъ произведеніяхъ гр. Толстого въ сущности указаны тѣ главныя особенности, которыя отмѣчались и послѣдующею нашею критикою въ талантѣ гр. Толстого: и «правдивость», о которой говорилъ Н. Н. Страховъ, и «художественная память», охарактеризованная С. А. Андреевскимъ. Не лишены также важныхъ достоинствъ и статьи Чернышевскаго о сочиненіяхъ Пушкина («Совр.» 1855 г., №№ 2, 3, 7 и 8), въ которыхъ онъ развиваетъ обстоятельно нѣкоторыя мысли, высказанныя Бѣлинскимъ.

Для характеристики литературно-критическихъ взглядовъ Чернышевскаго важны и его статьи о Лессингѣ, но наиболѣе цѣннымъ изъ его критическихъ трудовъ нужно признать обширное изслѣдованіе «Очерки гоголевскаго періода русской литературы» («Совр.» 1855 г., № 12 и 1856 г., №№ 1, 2, 4, 7, 9, 10, 11, 12). Эта работа появилась по поводу выхода въ свѣтъ новаго изданія сочиненій Гоголя и второго тома «Мертвыхъ Душъ»; но хотя уже въ самомъ началѣ Чернышевскій говорилъ, что «давно уже не было въ мірѣ писателя, который былъ бы такъ важенъ для своего народа, какъ Гоголь для Россіи»,—предметомъ «Очерковъ» послужили не самыя произведенія Гоголя, но отношеніе къ нему критики. Поставивъ себѣ эту сравнительно ограниченную задачу, Чернышевскій почти съ самаго начала вышелъ изъ ея рамокъ и далъ обзоръ развитія нашей критики (въ ея принципиальныхъ взглядахъ) съ конца 20-хъ годовъ XIX-го в. до смерти Бѣлинскаго. Здѣсь рассмотрѣна критическая дѣятельность Н. А. Полевого, Сенковского, И. В. Кирѣевскаго, Шевырева, Плетнева, кн. П. А. Вяземскаго, Надеждина и въ особенности Бѣлинскаго. Въ этой книгѣ впервые охарактеризовано было умственное движеніе тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ и, при богатствѣ фактическаго матеріала, Чернышевскій по нѣкоторымъ вопросамъ пришелъ къ вполне прочнымъ выводамъ, справедливость которыхъ подтверждалась детальною разработкой позд-

нѣйшихъ изслѣдователей, въ особенности трудами академика А. Н. Пыпина. Недостаткомъ изслѣдованія можно считать тотъ полемическій тонъ, который особенно замѣчается въ главѣ о Шевыревѣ; можетъ быть, именно вслѣдствіе этой полемики Шевыреву удѣлено слишкомъ много мѣста. Крупнымъ достоинствомъ книги является анализъ критической дѣятельности Полевого и Надеждина и выясненіе отношеній послѣдняго изъ этихъ критиковъ къ Бѣлинскому. Въ этомъ отношеніи къ Чернышевскому примыкаютъ, несмотря на отрицательные выводы С. А. Венгеровъ, академики И. Н. Ждановъ и А. Н. Пыпинъ. Наконецъ, самый обзоръ дѣятельности Бѣлинскаго настолько положителенъ и справедливъ, что всѣ позднѣйшіе труды о Бѣлинскомъ принимаютъ схему, установленную Чернышевскимъ. Отмѣтивъ полемическій элементъ, слѣдуетъ указать и на замѣчательное проявленіе объективности по отношенію къ славянофиламъ, о которыхъ Чернышевскій высказалъ такое мнѣніе: «для развитія той части русской публики, которая ими увлекается, эти убѣжденія (т.-е. славянофильскія) болѣе полезны, нежели вредны, служа переходною ступенью отъ умственной дремоты, отъ индифферентизма или даже вражды противъ просвѣщенія къ совершенно современному взгляду на вещи, къ совершенному разрыву съ нашей старинной бездѣйственностью и холодностью въ дѣлѣ обществѣ. Потому-то люди, которыхъ въ насмѣшку называли «западниками», и славянофилы, несмотря на жаркіе споры между собою, были сподвижники въ одномъ обществѣ стремленіи, которое тѣмъ и другимъ было въ сущности дороже всего остального, что ихъ раздѣляло». Этимъ общимъ дѣломъ было, по указанію Чернышевскаго, стремленіе къ просвѣщенію.

Но, говоря о научной сторонѣ «Очерковъ», нельзя не упомянуть и объ ихъ публицистической тенденціи, особенно выразившейся въ послѣднихъ главахъ, посвященныхъ Бѣлинскому. Авторъ, какъ и слѣдовало ожидать, является поклонникомъ того направленія, которое усвоилъ себѣ Бѣлинскій въ послѣдніе годы жизни, и во взглядѣ на искусство мы видимъ тотъ же утилитаризмъ, что и въ «Эстетическихъ отношеніяхъ». «Поэзія,—говоритъ Чернышевскій,—есть жизнь, дѣй-

ствіе, страсть; эпикуреизмъ въ наше время возможенъ только для людей бездѣйственныхъ, чуждыхъ исторической жизни,—потому въ эпикуреизмѣ нашего времени очень мало поэзіи. И если справедливо, что живая связь съ разумными требованіями эпохи даетъ энергію и успѣхъ всякой дѣятельности человѣка, то эпикуреизмъ нашего времени не можетъ создать въ поэзіи ровно ничего сколько-нибудь замѣчательнаго. Дѣйствительно, всѣ произведенія, написанныя нашими современниками въ этой тенденціи, совершенно ничтожны въ художественномъ отношеніи: они холодны, натянуты, безцвѣтны и риторичны. Литература не можетъ быть служительницей того или другого направленія идей: это назначеніе, лежащее въ ея натурѣ,—назначеніе, отъ котораго она не въ силахъ отказаться. Послѣдователи теоріи чистаго искусства, выдаваемого намъ за нѣчто должностное, должны быть чуждымъ житейскихъ дѣлъ, обманываются или притворяются: слова «искусство должно быть независимо всегда отъ жизни» всегда служили только прикрытіемъ для борьбы противъ не нравившихся этимъ людямъ направленій литературы, съ цѣлью сдѣлать ее служительницей другого направленія, которое болѣе приходилось этимъ людямъ по вкусу».

Сообразно съ такимъ взглядомъ на литературу, и критика Чернышевскаго все болѣе и болѣе проникается элементами публицистическими; разборъ литературнаго произведенія есть для критики поводъ къ разсужденіямъ объ общественныхъ вопросахъ, и критикъ заявляетъ, что литературная сторона дѣла его мало занимаетъ. Онъ говоритъ: «Вогъ съ ними, съ эротическими вопросами,—не до нихъ читателю нашего времени, занятому вопросами объ административныхъ и судебныхъ улучшеніяхъ, о финансовыхъ преобразованіяхъ, объ освобожденіи крестьянъ» (Атеней, 1858 г. № 17). Вполнѣ естественно, что при такомъ взглядѣ на критику, Чернышевскій при первой же возможности отъ нея отказывается и цѣлкомъ отдается публицистикѣ. Въ 1858 г. онъ поручаетъ критическій отдѣлъ «Современника» Добролюбову, а самъ съ этого времени исключительно пишетъ по вопросамъ экономическимъ и политическимъ. На первомъ планѣ долженъ, конечно,

стоять крестьянский вопрос, который въ то время былъ выдвинутъ правительствомъ и занималъ вниманіе всего общества. Въ рядѣ статей («О поземельной собственности» Совр. 1857, №№ 9 и 11, «О новыхъ условіяхъ сельскаго быта, 1858 г. №№ 2 и 4», Устройство быта помѣщичьихъ крестьянъ, 1859, № 1, 2, 7, 10 и др.) Чернышевскій настаиваетъ на увеличеніи надѣла, крайнемъ уменьшеніи выкупа, стоитъ за сохраненіе сельской общины, которая представляется ему одной изъ формъ будущаго общественнаго устройства на началахъ социалистическихъ. Защищая общинное владѣніе земель противъ нападокъ авторитетнаго въ то время «Экономическаго Указателя», Чернышевскій весьма оригинально пользуется діалектическимъ гегельянскимъ методомъ доказательства. «Общій ходъ планетарнаго развитія — говоритъ онъ, — прогрессивная лѣстница классовъ животнаго царства вообще, высшіе классы животныхъ въ особенности, физическая жизнь человѣка, его языкъ, обращеніе съ другими людьми, его одежда, манера держать себя, всё его общественныя учрежденія, — администрація, войско и война, судопроизводство, заграничная торговля, торговое движеніе вообще, понятіе о справедливости, — каждый изъ этихъ фактовъ подлежитъ слѣдующей нормѣ: повсюду высшая ступень развитія представляется по формѣ возвращеніемъ къ первобытной формѣ, которая замѣнилась противоположною на средней ступени развитія; повсюду очень сильное развитіе содержанія ведетъ къ возстановленію той формы, которая была отвергаема развитіемъ содержанія не очень сильнымъ». Признавая этотъ абсолютный законъ развитія, Чернышевскій въ томъ фактѣ, что общинное владѣніе есть первобытный институтъ, видитъ прочное основаніе для защиты его жизненности: отъ поземельной частной собственности, которая представляется, по отношенію къ общинному владѣнію, вторымъ моментомъ развитія, противоположнымъ первому, отъ этого второго момента логически неизбеженъ переходъ къ третьему моменту, т.-е. возвратъ къ общинному владѣнію измѣненному. Защищая общину противъ экономистовъ школы «laissez faire, laissez passer», Чернышев-

скій снова сближается съ славянофилами, которые такъ хорошо поняли значеніе этого учрежденія, такъ хорошо сохранившагося въ русскомъ народномъ быту. «Важность, говоритъ Чернышевскій, пространства здравыхъ понятій о вопросѣ, касательно необходимости для національнаго благосостоянія сохранить господствующее у насъ пользованіе землею, чрезвычайно велика. По примѣру западнаго населенія, бѣдствующаго отъ утраты этого принципа, не имѣетъ надѣ большинствомъ нашихъ экономистовъ такой силы, какъ лишенныя всякихъ дѣльныхъ основаній изреченія тѣхъ политико-экономическихъ авторитетовъ, которыхъ они привыкли держаться. Славянофилы въ этомъ случаѣ не таковы. Они знаютъ смыслъ урока, представляемаго намъ участіемъ англійскихъ и французскихъ земледѣльцевъ, и хотятъ, чтобы мы воспользовались этимъ урокомъ. Они считаютъ общинное пользованіе землями, существующее нынѣ, важнѣйшимъ залогомъ, необходимѣйшимъ условіемъ благоденствія земледѣльческаго класса. Въ этомъ случаѣ они высоко стоятъ надъ многими изъ такъ называемыхъ западниковъ, которые почерпаютъ свои убѣжденія въ устарѣлыхъ системахъ, принадлежащихъ по духу своему минувшему періоду односторонняго увлеченія частными правами отдѣльной личности, и которые необдуманно готовы возставать противъ нашего драгоценнаго обычая, какъ несовмѣстнаго съ требованіями этихъ системъ, несостоятельность которыхъ уже обнаружена наукою и опытомъ западно-европейскихъ народовъ».

Крайній демократизмъ пропагандируется Чернышевскимъ всякими приѣмами: то онъ предлагаетъ читателямъ «Современника» очерки изъ новѣйшей исторіи Франціи (Кавеньякъ, 1858 г. №№ 1 и 3, Борьба партій во Франціи, 1858 г. № 8 и 9, Люльская монархія, 1860 г. № 1 и 2), въ которыхъ старается показать несостоятельность либеральной партіи и усиленно подчеркиваетъ свое сочувствіе тѣмъ, кто стоялъ за интересы работниковъ, демократамъ-радикаламъ и социалистамъ; то даетъ онъ переводъ или пересказъ политической экономіи Милля, съ обширными своими примѣчаніями, въ которыхъ подвергаетъ жестокой критикѣ господство-

вавшую буржуазную систему политической экономии (Совр. 1860 г. №№ 2, 3, 4, 5, 7, 8, 11, 1861 г., №№ 6—12). Эти «примѣчания» Чернышевскаго могутъ считаться однимъ изъ обстоятельѣйшихъ очерковъ социалистической теоріи, почему и заслужили весьма одобрителный отзывъ Карла Маркса.

Всѣ эти, на первый взглядъ, отвѣченныя темы въ изложеніи Чернышевскаго постоянно получали примѣненіе къ русской жизни. Ее-то прежде всего и стремился онъ перестроить на новыхъ началахъ. Все прежнее религіозное и философское міросозерцаніе представлялось Чернышевскому устарѣлымъ, не соответствующимъ ни современнымъ научнымъ взглядамъ, ни современнымъ общественнымъ потребностямъ. На смѣну этому міросозерцанію Чернышевскій выдвигалъ теорію материалистическаго утилитаризма. Съ наибольшою рѣшительностью онъ изложилъ эту теорію въ статьѣ «Антропологическій принципъ въ философіи» (Совр. 1860 г., №№ 4 и 5). Основаніемъ новаго міросозерцанія, всей теоріи нравственности служить для Чернышевскаго естественныя науки. Психологія есть только отрасль физиологіи, такъ какъ никакой двойственности въ натурѣ человѣка нельзя замѣтить. Различіе между человѣкомъ и животными только количественное, и всѣ тѣ высокія чувства, которыми совсѣмъ неправильно гордится человѣкъ, имѣютъ въ основѣ своей эгоизмъ: человѣкъ дѣлаетъ то, что ему пріятно и полезно. На этомъ разумномъ эгоизмѣ должна строиться вся общественная нравственность. Добро есть, какъ будто очень полезная польза. Эта статья вызвала критику проф. Кіевской духовной Академіи, Юркевича, который очень обстоятельно доказалъ несообразность утилитаризма; но Чернышевскій не обратилъ вниманія на вѣскіе философскіе доводы Юркевича, объявивъ ихъ схоластикой и отвѣтилъ однѣми насмѣшками (Совр. 1851 г. № 6). Какъ ни были слабы философскія основанія утилитаризма, авторитетъ Чернышевскаго настолько былъ великъ въ глазахъ молодежи того времени, что его теорія получила чрезвычайную популярность. Радикализмъ возрѣвнѣй Чернышевскаго встрѣчалъ рѣдкое сочувствіе въ молодежи, настроенной революціонно, и этимъ же радикализмомъ объясняется успѣхъ ро-

мана «Что дѣлать?», написаннаго Чернышевскимъ уже послѣ ареста (Совр. 1863 г. № 4, 5, 6).

Арестованъ былъ Чернышевскій 7 іюля 1862 г. по обвиненію въ государственномъ преступленіи, въ участіи въ противоправительственной пропагандѣ, въ составленіи возмутительныхъ воззваній къ народу. По приговору Правительствующаго Сената 13-го іюня 1864 г., Чернышевскій былъ сосланъ въ Нерчинскіе заводы на 7 лѣтъ каторжной работы. Въ 1871 г., по отбытіи срока каторги, онъ былъ поселенъ въ г. Вилуйскѣ. Въ 1875 г. была попытка освободить Чернышевскаго изъ ссылки: 12-го іюля явился къ вилуйскому исправнику нѣкто Ипполитъ Мышкинъ, въ мундирѣ жандармскаго офицера, назвавшійся Мещериновымъ, съ подложнымъ предписаніемъ сдать ему Чернышевскаго для перевода въ Благовѣщенскъ; однако, обманъ былъ обнаруженъ. Ссылка въ Сибирь окончилась для Чернышевскаго въ 1883 г., когда ему разрѣшено поселиться въ Астрахани. За время ссылки, конечно, литературная дѣятельность Чернышевскаго должна была прекратиться, но отъ одного изъ товарищей Чернышевскаго по каторгѣ имѣются свѣдѣнія о его беллетристическихъ опытахъ за это время. Вообще беллетристика для Чернышевскаго была лишь средствомъ проведенія извѣстныхъ идей. Такимъ образомъ онъ пользовался беллетристической формой и до ссылки, когда написанъ былъ романъ «Что дѣлать?», а также и въ ссылкѣ. Романъ «Что дѣлать?» является популяризацией утилитарной нравственности, такъ какъ его герои постоянно говорятъ, что ихъ дѣйствіями руководитъ эгоизмъ; а кромѣ того въ этомъ романѣ развивается теорія свободной любви и эманципации женщины, а въ «снахъ» Вѣры Павловны рисуется то счастье, которое предстоитъ человѣчеству при осуществленіи социалистическихъ идеаловъ; провести же эти идеалы въ жизнь возможно только такимъ сильнымъ практическимъ дѣятелемъ, какъ Рахметовъ; однако, люди, подобные Рахметову, настоящему герою, явятся не сразу, они представляютъ собою, такъ сказать, идеаль революціонныхъ дѣятелей, а подготовкой къ этому идеалу служатъ «новые люди», каковыми надо считать Лопухова, Кирсанова и др.

На каторгѣ, въ 1865 г. въ Кадаѣ начата Чернышевскимъ трилогія романовъ, въ которыхъ онъ изображалъ общественное движеніе, сопутствовавшее крестьянской реформѣ; въ 1868 г. эти романы («Прологъ къ прологу», «Дневникъ Левицкаго» и «Прологъ») были окончены. Въ этихъ романахъ Чернышевскій выводитъ самого себя, свою жену и Добролюбова, а также многихъ дѣятелей редакціонныхъ комиссій. Предполагалъ Чернышевскій дать продолженіе этихъ романовъ, изобразить событія 1862—3 гг., но планъ не былъ осуществленъ: были лишь написаны отдѣльные эпизоды («Разсказы изъ Бѣлаго зала»), въ которыхъ дѣйствіе переносилось за границу. По тѣмъ же свѣдѣніямъ извѣстно о нѣкоторыхъ комедіяхъ («Другимъ нельзя») и разсказахъ Чернышевскаго, сочиненныхъ также на каторгѣ. Во время ссылки Чернышевскаго въ цюрихскомъ журналѣ «Впередъ» въ 1874 г. были напечатаны «Письма безъ адреса», написанныя Чернышевскимъ еще въ 1862 г., но по цензурнымъ условіямъ не могшія появиться въ Россіи. Въ этихъ «Письмахъ» Чернышевскій рѣзко критикуетъ крестьянскую реформу, доказывая, что она повела къ несправедливому обремененію крестьянъ платежами въ пользу помѣщиковъ, что недостатки реформы произошли отъ бюрократическихъ приемовъ ея подготовки и т. д.

По возвращеніи изъ ссылки, Чернышевскій получаетъ снова возможность заняться литературнымъ трудомъ. Живя сперва въ Астрахани, а въ 1889 г. въ Саратовѣ, онъ принимается за огромный трудъ перевода «Всеобщей исторіи» Георга Вебера. Онъ успѣлъ перевести 11 томовъ и значительную часть XII-го. Къ нѣкоторымъ изъ переведенныхъ имъ томовъ Чернышевскій прилагалъ статьи философско-историческаго характера (т. I—«Очеркъ научныхъ понятій о возникновеніи обстановки человѣческой жизни и о ходѣ развитія человѣчества въ доисторическія времена; т. VI—О правописаніи мусульманскихъ и въ частности арабскихъ собственныхъ именъ; т. VII—о расахъ; т. VIII—О классификаціи людей по языку; т. IX—О различіяхъ между народами по національному характеру; т. X—Общій характеръ элементовъ, произ-

водящихъ прогрессъ; т. XI—Астрономическій законъ распредѣленія солнечной теплоты). И переводъ и приложенія являлись въ свѣтъ съ псевдонимомъ *Андреевъ*. Съ этимъ же псевдонимомъ Чернышевскій напечаталъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» статью «Характеръ человѣческаго знанія», а въ «Русской Мысли» стихотвореніе «Гимнъ дѣвѣ неба» (1885 г., № 7) Въ томъ же журналѣ, съ подписью *Старый трансформистъ* была напечатана статья «Происхожденіе теоріи благодѣтельности борьбы за жизнь» 1888 г., № 9). Передъ смертью Чернышевскій началъ изданіе «матеріаловъ для біографіи Н. А. Добролюбова (Рус. Мысль 1889, № 1 и 2 съ псевдонимомъ *Андреевъ*, а въ 1890 г. изд. Солдатенковымъ въ одномъ томѣ). Умеръ Чернышевскій 17-го октября 1889 г. въ Саратовѣ, гдѣ и похороненъ на Воскресенскомъ кладбищѣ.

Пособія: Сочиненія Н. Г. Чернышевскаго, изд. Елпидина, въ 13 томахъ. Вена. 1868. Современникъ 1854—63 гг. Изд. М. Н. Чернышевскаго. Эстетика и поэзія, Спб. 1893. Очерки гоголевскаго періода русской литературы. Спб. 1892; Критическія статьи, Спб. 1893. Замѣтки о современной литературѣ, Спб. 1894. Матеріалы для біографіи Н. А. Добролюбова. М. 1890 Рус. Старина. 1889. №№ 11, 12; 1890 г. №№ 5 статья А. В. Смирнова, № 9, ст. Ф. В. Духовникова. Рус. Архивъ 1890. № 4. ст. И. У. Палиссестова. Ист. Вѣстникъ 1889 г. № 11 ст. А. Н. Фаресова; И. И. Ивановъ. Исторія русской критики, т. II, Спб. 1900, А. Л. Волынский. Русскіе критики, Спб. 1896, Русская мысль, 1890 г. № 6 (автобіографія Костомарова). Научное обозрѣніе, 1899 г., № 4. Русское Богатство, 1900 г., № 10. В. Добролюбовъ. Ложь г.г. Николая Энгельгардта и Розанова о Н. А. Добролюбовѣ, Н. Г. Чернышевскомъ и духовенствѣ, Спб. 1902. Невѣдѣнскій. Катковъ и его время. Спб. 1889. Судъ надъ Чернышевскимъ. Берл. 1875. Страховъ. Изъ исторіи литературнаго нигилизма. Спб. 1890. Головинъ. Русскій романъ и русское общество, Спб. 1897. Матеріалы для біографіи Ф. М. Достоевскаго. Спб. 1883. Цытовичъ. Что дѣлали въ романѣ «Что дѣлать?» Одесса 1879 К. Marx. Das Kapital, 2-те Aufl. Vorwort, Добрынь. Біографія русскихъ писателей Спб. 1900 г. Игнатовъ. Галлерей русскихъ писателей. М. 1901 Plechanow Nik. Gawr. Tchernyshevsky. Stuttgart. 1894. А. Тунъ. Исторія революціоннаго движенія въ Россіи, 1903.

А. Бороздинъ.

Чернышевъ, Александръ Ивановичъ, свѣтлѣйшій князь, генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-кавалеріи, военный министръ, председатель Государственнаго Совѣта, происходилъ изъ дворянъ и родился 30-го декабря 1785 г. Онъ былъ сыномъ генералъ-поручика и сенатора